К сожалению, он был лишь номинальным князем. Даже титул Линьань-ван достался ему по наследству, и, если честно, унаследовал он не столько власть, сколько просто три иероглифа.

Маленький князь Линьань не обладал влиянием, не имел права участвовать в государственных экзаменах и не видел путей к возвышению. Всю жизнь он был вынужден ютиться в княжеской резиденции, под постоянным надзором власть имущих, подыгрывая им в спектакле под названием мирное процветание.

Когда на трон взошел новый император, Лянь Юйнянь думал, что, возможно, дождался шанса на освобождение, но тут же столкнулся с покушением на жизнь правителя, организованным остатками сил Наследного принца.

Опомнился он уже в тот момент, когда заслонил собой императора, а острое лезвие пронзило его сердце.

Тот самый новый император, с которым они вместе делили радости и невзгоды, лишь спокойно вытащил меч Сына Неба, чтобы казнить убийц. Пока Лянь Юйнянь не навалился на него, корона на голове правителя даже не шелохнулась, а выражение лица оставалось невозмутимым и спокойным.

Лянь Юйнянь принял удар меча ради него, но в момент смерти даже не увидел ни тени беспокойства на его лице.

Покойный император был человеком жестоким и бесчувственным, и сыновья его выросли столь же холодными. Четырнадцать лет поддержки и верности оказались лишь дымкой.

Евнух только что говорил: после смерти Маленького князя Линьань Его Величество пришел в ярость и приказал истребить всех оставшихся в живых сторонников Наследного принца.

Возможно, ярость была лишь предлогом, а истинной целью — устранение неугодных.

Когда покойный император передавал престол, он лично признал: если говорить о государственном искусстве управления, его девятый сын освоил его лучше всех.

Лянь Юйнянь изящно прислонился к подоконнику и сухо, без тени эмоций произнес:

— Пошел ты к черту, Шэнь Цинчи — никак не упокоишься с миром.

У дверей послышался шум — это тайный страж-кучер свалился с повозки.

Лянь Юйнянь с грохотом захлопнул окно. Кучер, потирая поясницу, поднялся и долго с недоумением смотрел на плотно закрытые ставни, в конце концов решив, что это был просто сон.

Господин Дан Ли никогда не видел Его Величество, к тому же император — правитель мудрый, с чего бы ему беспричинно поносить монарха? Приснилось, не иначе, не стоит забивать голову чепухой.

На следующее утро Лянь Юйнянь встал ни свет ни заря. Он вышел из дома, жуя паровой пирожок, купленный на почтовой станции, и прошел мимо тайного стража, не удивившись, увидев под его глазами темные круги.

Господин Дан Ли с притворным участием спросил:

— Что случилось? Плохо спалось? Не знаю, какими благовониями окуривали комнату, но они отлично помогают уснуть, я вот проспал до самого утра.

Тайный страж потер виски:

— Благодарю за заботу, господин… Мне приснился кошмар, но это пустяки, в пути не помешает.

— Вот как… — Лянь Юйнянь задумался, достал из-за пояса бумажный талисман, исписанный киноварью, и протянул ему: — Носи при себе, это обеспечит тебе крепкий сон.

Тайный страж взял талисман и прочел: на лицевой стороне было выведено «Сладких снов», на обратной — «Меньше дум — меньше тревог», а внизу стояла подпись: Эксклюзивно от семьи Дан, за подделку — суровая кара.

Когда он поднял голову, Лянь Юйнянь уже скрылся в карете, оставив после себя лишь аппетитный аромат мясных пирожков.

Увидев странное выражение лица стража, евнух спросил:

— С этим талисманом что-то не так?

Страж промолчал, лишь покачал головой и молча спрятал амулет в нагрудный карман.

От деревни Дангуй до Дицзина, даже с учетом развитых дорог, путь занимал от десяти до пятнадцати дней. По дороге приходилось проезжать через множество городов и бесчисленные деревни, но мест, где можно было остановиться на отдых, оставалось крайне мало.

После совещания страж и евнух решили, что, когда до Императорской Столицы останется всего двести ли, они свернут на короткий путь через Мавзолей Сишань, чтобы попасть прямо во дворец и избежать лишних хлопот с проверками на заставах.

Лянь Юйнянь об этом не знал. Он просто вздремнул после обеда, а открыв глаза, обнаружил, что вид за окном изменился.

Зеленые горы, словно изумрудная ширма, окружали их со всех сторон, а сквозь туман проступали очертания водных потоков.

В пятнадцать лет ему довелось присутствовать на церемонии жертвоприношения императорской семьи и посещать храм предков в Мавзолее Сишань. Это место казалось живой гробницей.

Он уже не помнил, от кого слышал, но Маленького князя Линьань, погибшего, спасая императора, похоронили именно здесь — по настоянию нового правителя, чья власть тогда была еще не прочна. Место было выбрано почетное, недалеко от входа. Если ничего не случится, через сто лет нынешний император упокоится прямо рядом с ним.

Официально Мавзолей Сишань охранял лишь отряд императорской гвардии, но тайно там было расставлено бесчисленное множество засад и дозорных. Если страж и евнух решились ехать этим путем, значит, у них было особое разрешение Его Величества.

Из-за долгой дороги Лянь Юйнянь плохо высыпался. Он потер свои бледные, но красивые черты лица и выглянул в окно.

Усыпальница находилась позади храма предков, поэтому своей могилы он, конечно, не видел. Он лишь смотрел вдаль, пытаясь вспомнить, о чем думал в момент гибели, и гадая, что было на душе у Шэнь Цинчи.

Ситуация была критической, он умер слишком быстро, так что толком ни о чем и не успел подумать, лишь промелькнула мысль: Встретимся в кошмарах Вашего Величества.

За эти три года ему не раз снился тот день: тяжелый запах крови, застилающий всё вокруг, лицо Шэнь Цинчи, которое он никак не мог разглядеть, и боль, сотрясающая грудь, словно грозовые тучи, — это было страшнее, чем сам момент удара.

Они действительно встретились в кошмаре, вот только это был кошмар одного лишь Лянь Юйняня.

Скоро они встретятся вновь.

Лянь Юйнянь вздохнул и едва слышным шепотом произнес:

— Как же не хочется снова видеться…

…

В Зале Аньхэ снова курились благовония, успокаивающие дух. Стояла глубокая ночь, но в зале по-прежнему горели огни.

Цзэ Цин, ставший к этому времени дворцовым внутренним министром, принес женьшеневый суп. На столе аккуратными стопками лежали рассмотренные доклады: государственные дела — отдельно, донесения о здоровье — отдельно. Доклады с предложениями поскорее провести отбор наложниц и обзавестись наследниками лежали отдельно, с приклеенной запиской: Прочитано, полная чушь. Они были небрежно отброшены в сторону.

Императора, который еще минуту назад склонялся над бумагами, в зале не было.

Справа в стене была небольшая дверца, ведущая на террасу Гаоюэ, окруженную белыми нефритовыми перилами. Цзэ Цин привычно взглянул туда и в мерцающем свете ламп, среди ночного ветра, действительно заметил одинокую фигуру.

Цзэ Цин отставил суп, взял накидку и подошел, но ступить на террасу не решился. Он лишь произнес:

— Ваше Величество, ночь глубока, отдохните немного.

Фигура не обернулась. Вглядываясь в луну, император ответил тихим, как струящаяся вода, голосом:

— Ты нашел те благовония, что вызывают сны? Прошло уже столько дней, я почти забыл, каково это — видеть сны.

— Эти благовония — древний рецепт предыдущей династии, он давно утерян. К счастью, сам состав сохранился. Я уже нашел лучшего мастера, и в ближайшие дни состав будет готов.

С этими словами Цзэ Цин обеими руками протянул накидку:

— Ночной ветер холоден, накиньте одежду, Ваше Величество.

— Нет нужды. — Он слегка повернул голову. Холодная луна очертила профиль его лица: тонкие губы, спокойные глаза, распущенные волосы, развевающиеся на ветру. — Когда прибудет наследник семьи Дан? Очередной страж погиб из-за этой вещи, меня это уже утомило.

— Отвечаю Его Величеству: господин Дан уже прибыл в Мавзолей Сишань и завтра прибудет в столицу. — Закончив, Цзэ Цин внезапно осознал, что сболтнул лишнее. Он плотно сжал губы, мышцы на щеках дрогнули, он стиснул зубы так, что проступила четкая линия челюсти.

Он осторожно наблюдал за выражением лица императора, пытаясь сквозь тусклый лунный свет уловить настроение господина, чтобы исправить ошибку.

Император же повернулся, положил руку на нефритовые перила; его полы развевались на ветру.

— Мавзолей Сишань… — Он спокойно смаковал эти три иероглифа и тихо рассмеялся. — Сегодня луна так ярка, а в Мавзолее Сишань холодно и пусто. Давай, приходи в мой сон… выпьем вместе.

Вышивка на вороте его халата — небрежно пришитый цветок персика — трепетала на ветру. Его холодный голос стал мягче, почти как шепот любовника:

— Ты молчишь, значит, я приму это за согласие. Если же нарушишь слово…

Что будет, если он нарушит слово?

Цзэ Цин опустил голову и задал этот вопрос про себя.

Словно отвечая ему, император произнес:

— Если нарушишь слово, я всё равно не смогу ничего тебе сделать. Ну, в следующий раз, когда встретимся, заставлю выпить лишнюю пару чарок… Согласен?

Слушая этот нежный, улыбающийся голос, в котором при смене интонации проскальзывало подавленное безумие, Цзэ Цин вздрогнул, чувствуя, как холодеет кожа головы. Он бесшумно отступил назад.

Нужно поторопить создание благовоний.

Глава 4

Лянь Юйнянь прибыл в столицу как раз в пятнадцатый день девятого месяца.

Над городом сгустились черные тучи, в небе рокотал глухой гром, под стать гнетущей атмосфере императорского дворца.

Оба были изможденны дорогой, но даже не успели выпить чаю, как, переодевшись, поспешили в кабинет императора.

У дверей сопровождавший их евнух отступил в сторону и поклонился человеку, вышедшему из зала:

— Приветствую господина Цзэ Цина.

Это знакомое имя заставило струны души Лянь Юйняня слегка дрогнуть, и он невольно поднял взгляд. Навстречу им шел придворный в алых одеждах, с нефритовым жетоном на поясе — молодой, статный, его легко можно было принять за главу охраны.

Но пять лет назад он был маленьким евнухом из Холодного дворца. Узнав о тайной связи наложницы Чжу и князя Линьань, он едва не утонул в колодце. Шэнь Цинчи спас его, изменил ему внешность, дал другое имя и сделал своим доверенным лицом.

Лянь Юйнянь когда-то обрабатывал его раны, помнил, как он рыдал от боли и страха, и помнил ледяной, пугающий взгляд в его глазах, когда он подносил наложнице Чжу отравленное вино.

Оказывается, прошло уже столько времени.

Цзэ Цин подошел ближе и, увидев яркое, почти острое лицо Лянь Юйняня, на миг опешил, но тут же вежливо улыбнулся и склонился в поклоне:

— Приветствую господина Дана. Его Величество и господа министры ожидают вас в кабинете. Прошу, пройдемте со мной.

Лянь Юйнянь подавил мимолетное замешательство и спокойно ответил:

— Благодарю, господин министр. Прошу вас, ведите.

Они вошли в кабинет. В роскошном и изысканном зале горело множество светильников, отсекая сырость дождливого дня, но создавая при этом атмосферу величественного холода, от которой даже у привычного ко всему Лянь Юйняня невольно перехватило дыхание.

В зале сидели трое: военный министр Чэнь Ань, министр юстиции Сюй Цзянь и глава тайной стражи Бай Гэтин. Все они были верными соратниками нового императора в его борьбе за трон.

А за ширмой виднелась прямая, строгая фигура, и Лянь Юйнянь прекрасно знал, кто это.

Он опустил глаза, собираясь совершить глубокий поклон, как вдруг холод прополз по его позвоночнику, заставив ресницы дрогнуть. Взгляд его, словно притянутый магнитом, невольно устремился в левую часть кабинета.

Там стоял предмет, накрытый черной тканью, по форме напоминающий чан для воды.

В тот момент, когда Лянь Юйнянь посмотрел на него, его зрачки сузились.

Заметив, что он медлит с поклоном, трое министров нахмурились, а Цзэ Цин поспешно кашлянул, напоминая о себе.

Но Лянь Юйнянь оставался неподвижен. Он пристально смотрел на предмет, хмурясь всё сильнее. В его глазах удивление сменилось пониманием, а затем — глубиной темной бездны.

http://bllate.org/book/36220/4496708